

Император играл с белым высококачественным нефритом на столе, его лицо слегка покраснелось. Его возбужденное выражение лица было немного заразительным, и окружающие не могли удержаться от улыбок.

Гу Юаньбай встал, вышел из-за стола, вытянул руки и ноги в коридоре и сказал: "Те, кто вернулся к гражданской жизни, пусть остаются, они нам скоро пригодятся. Что касается храмовых полей, пошлите префекта вернуть их".

Кто-то сразу же отправился выполнять эти поручения, Гу Юаньбай вытянул руку, широкие рукава медленно спадали с предплечья, обнажая маленькие бледные запястья и ярко-желтый рукав под ними. Он потер запястье, думая: "Мастер Чу, теперь вы единственный, кто остался.

Как только вы придете сюда, начнется все остальное.

Храм Чэнбао только что вернул храмовые поля императорскому двору. Не успел настоятель вздохнуть с облегчением, как услышал, что императорский двор отверг эти поля.

Настоятель храма Чэнбао почувствовал головокружение, он едва мог сохранять самообладание, подобающее высокопоставленному монаху. "Мастер Фу Инь, почему храмовые поля не были приняты?"

Префект и сам не знал, поэтому он улыбнулся и вежливо проводил настоятеля храма Чэнбао к выходу.

Эта молчаливая улыбка испугала настоятеля.

Храм Чэнбао был императорским храмом, и ему принадлежали все поля, покрывавшие весь холм. Эти поля не облагались никакими налогами, и монахи храма тоже не должны были платить государству никаких налогов. Такая жизнь была слишком роскошной, и, думая об их изобилии, настоятель содрогался, вспоминая, как император Вузун истреблял буддистов.

Все, кто посещал храм Чэнбао, были членами императорского клана и высокопоставленными лицами. После того как Гу Юаньбай напугал их, члены клана часто приходили сюда, чтобы поклониться и обрести душевный покой.

Настоятель также узнавал от них информацию.

Император смог нанести удар по собственному клану, так что же он сделает с какими-то монахами? Теперь, когда выяснилось, что императорскому правительству не нужны поля его храма, настоятель был в ужасе. Вернувшись в тот день в храм Чэнбао, он еще раз осмотрел поля и принял суровое решение. Они оставят себе только те гектары, которые необходимы для получения достаточного количества пищи для монахов храма, а остальные, 90%, будут отправлены в суд!

Однако и это второе подношение было отвергнуто императором.

Когда он снова вышел из кабинета, взгляд настоятеля храма Чэнбао из тусклого превратился в решительный, и, вернувшись в храм, он торжественно приказал: "Принесите мне бумагу и чернила".

Молодой монах-послушник принес ему и то, и другое, и, сделав глубокий вдох, рука настоятеля стала твердой, и он начал писать документ.

В начале он восхвалял добродетель и благосклонность императора, и храм Чэнбао просил, под руководством Будды, чтобы Его Величество принял поля храма, чтобы они способствовали благосостоянию простого народа и полностью реализовали сострадание Будды. После того как он закончил писать эти слова, его руки затряслись сильнее, но он продолжал, полный решимости, писать последний абзац.

Храм Чэнбао призывал другие сострадательные храмы земли также пожертвовать свои поля.

Настоятель отправил этот документ вниз с горы, чуть не плача.

Он мог себе представить, сколько людей будут скрежетать зубами и проклинать его имя после того, как другие храмы прочитают документ.

Люди в стране безмерно восхваляли бы его, а храмы, под давлением общественного мнения и интересов, возненавидели бы его.

Единственным, на кого не обратили бы внимания, получив наибольшую выгоду, был императорский двор.

После того как храм Чэнбао в третий раз предложил свои поля, Гу Юаньбай посмотрел на письмо, которое прислал настоятель, прочитал его и открыто рассмеялся.

Человек, пришедший на доклад, спросил: "Ваше высочество, должны ли мы снова отказать им?".

"С древности всегда было "три отказа и три предложения". Гу Юаньбай покачал головой и рассмеялся. "Мы ничего не планировали делать. Настоятель храма Чэнбао сам попал в эту переделку".

Многие династии использовали буддизм, чтобы управлять умами людей. Существование храмов и буддизма имело много преимуществ. Гу Юаньбай даже не слишком возражал против лишних монахов. Более того, храм Чэнбао получил статус императорского храма от предыдущего императора. Как мог Гу Юаньбай поступить неразумно?

Единственное, что здесь можно было увидеть, так это то, что настоятель испугался сам себя.

Подумав еще немного, можно сказать, что это было немного хлопотно. Гу Юаньбай сказал: "Поговорите с настоятелем наедине и скажите ему, что мы очень довольны этой статьей, которую он написал".

С таким предложением, даже если бы храмовые поля снова вернулись, настоятель храма Чэнбао смог бы успокоиться.

По сравнению с сотнями акров полей храма, Гу Юаньбай сейчас больше беспокоился о белом хлопке.

Несколько дней назад Кун Илинь предложил ему семена хлопка. Гу Юаньбай не сажал их раньше, поэтому он перевел Кун Илиня из Императорской академии, чтобы она вместе с чиновниками из Министерства промышленности изучила мелкие семена.

Он смутно помнил, что хлопок нужно сажать в марте-апреле. Гу Юаньбай не знал подробностей, но, хотя на тот момент было уже поздновато, он думал, что можно наверстать упущенное.

Если бы хлопок удалось посадить в том году, это спасло бы жизни многих крестьян и солдат.

Как раз когда Гу Юаньбай думал об этом, Тянь Фушэн, подавая ему чай, сказал: "Ваше Высочество, только что поступили новости из конюшни. Люди сказали, что Красное Облако опять кого-то лягнуло".

Гу Юаньбай пришел в себя и горько улыбнулся, услышав эти слова. "Эта тварь пришла во дворец, чтобы съесть Нас. Пойдемте, посмотрим".

Они направились к конюшням. В конюшне Гу Юаньбай заметил маленькую мышку, которая держала в углу какой-то фрукт, который она обгладывала. Ему стало весело, ведь он никак не ожидал, что Сюэ Юань принесла маленького мышонка, чтобы тот поиграл с Рыжим Облаком.

Жаль только, что Рыжее Облако, похоже, не интересовалось мышами.

За ахалтекинцем ухаживали очень хорошо, но он никак не хотел надевать упряжь. На нем была только одна уздечка. Как только Гу Юаньбай вошел, умная лошадь зашипела на него.

Его рыжая шерсть блестела. Гу Юаньбай посмотрел, очарованный, и повернулся, чтобы посмотреть на Сюэ Юаня. "Возьми нас покататься на лошади".

Сюэ Юань поднял брови и сказал: "Ваше Величество, вы хорошо себя чувствуете?".

Гу Юаньбай ответил: "Просто сделай, как Мы сказали".

Сюэ Юань так и сделал. Он вывел лошадь. Без стремян. Гу Юаньбай не мог сам забраться на вершину. Стоявший рядом дворцовый слуга собирался принести табурет, но Сюэ Юань решил, что это слишком хлопотно, поэтому просто обнял молодого императора за талию и посадил его на лошадь.

После того как Гу Юаньбай сел на лошадь, Сюэ Юань повернулся и сел позади него, держа в руке поводья. "Ваше Высочество, должен ли я направлять лошадь?"

Гу Юаньбай откинулся на спинку кресла и удобно расположился: "Поехали".

Как только кнут был поднят, лошадь помчалась как ветер.

Халат и волосы Гу Юаньбая развевались. Сюэ Юань смотрел на него сверху вниз, уголки его губ вздернулись вверх, а острые брови задралась от резкого ветра. Проехав на лошади с молодым императором некоторое время, Сюэ Юань задумчиво притормозил.

"Как себя чувствует Ваше Величество?"

Гу Юаньбай слабо зашипел и ответил: "Все хорошо".

Однако его тело было слишком слабым, а внутренняя поверхность бедер все еще ощущалась немного раздраженной и теплой.

Сюэ Юань услышал шипение и поднял руку, чтобы замедлить лошадь. Хотя он думал, что молодой император может получить травму, после того, как он увидел, что это произошло, он все еще чувствовал себя угрюмым.

Как ты можешь быть таким деликатным?

Сюэ Юань нашел незанятое место в тени и попросил Гу Юаньбая сойти с лошади. Прежде чем сесть на лошадь, Тянь Фушэн передал Сюэ Юаню флакон с мазью на случай, если император поранится.

"Ваше Величество", - Сюэ Юань опустился на одно колено перед сидящим Гу Юаньбаем и раздвинул ноги Гу Юаньбая. "Я должен применить лекарство".

Гу Юаньбай с интересом посмотрел на него. "Страж Сюэ, ты сам собираешься применить лекарство?"

Сюэ Юань медленно ответил: "Ваше Величество, это я вывел вас на лошади. Поскольку вы получили травму, я, конечно, волнуюсь".

Гу Юаньбай фыркнул, не веря, что он действительно может быть таким воспитанным, поэтому он поднял свой халат и сказал: "Примени лекарство".

<http://bllate.org/book/15154/1338838>